

— В детстве она напевала мне такие красивые колыбельные, — вдруг начала рассказывать Гу Исяо, её голос звучал слегка отстранённо, будто она погрузилась в воспоминания.

— Она всегда готовила мне много сладостей, и я каждый раз притворялась, что с удовольствием их ем.

— А потом всё это вырывалось обратно.

— Она так и не узнала, что мне вовсе не нравятся эти сладости.

— Даже когда она... она так и не узнала.

Пока Гу Исяо говорила, Цзянь Линлин начала чувствовать сонливость. В темноте она села, прислонившись к стене, и тихо слушала Гу Исяо, которая тоже облокотилась на стену.

Наверное, это были самые длинные речи, которые она когда-либо произносила... — задумчиво подумала Цзянь Линлин, уже почти засыпая, но вдруг одно предложение заставило её мгновенно проснуться.

— Это я виновата в её смерти.

М? М? М?

Гу Исяо виновата в смерти своей матери?

— Это я виновата в её смерти.

Дрожащий голос Гу Исяо заставил Цзянь Линлин окончательно проснуться, и её сердце снова сжалось от тревоги. Пока она судорожно пыталась придумать, что можно ответить, холодный голос Гу Исяо вернул её к реальности.

— Хочешь... послушать?

На её лице, обычно скрывающем эмоции, теперь читалось желание выговориться, смешанное с болью и тревогой. Эти чувства, переплетаясь, придавали её красивому, юному лицу оттенок печали и усталости.

Такая зрелость напоминала Гу Исяо, которую она встретила в прошлой жизни... только та Гу Исяо никогда не проявляла таких сильных эмоций на людях.

Возможно, из-за того, что ей долгое время не с кем было поделиться, все эти чувства копились внутри, превращая её в холодного человека.

Подумав об этом, Цзянь Линлин почувствовала лёгкую горечь. Она крепко взяла руку Гу Исяо, та слегка вздрогнула, но не сопротивлялась, а лишь смотрела на неё с надеждой.

— Говори, что бы ты ни сказала, я готова слушать.

Поскольку у неё не было опыта в утешении, она могла быть только внимательным слушателем, с грустью подумала Цзянь Линлин.

— Моя мама была самым любящим человеком в моей жизни.

Теперь уже успокоившаяся Гу Исяо начала тихо рассказывать о давно забытом прошлом.

Оказалось, что мама Гу Исяо — та самая нежная красавица — в её глазах не была идеальной матерью. Её первым мужем был не Гу Сиюнь.

В тишине время текло медленно, сопровождаемое тихим рассказом Гу Исяо и тиканьем часов.

Мать Гу Исяо изначально была выдана замуж за богатую семью и родила сына, старшего брата Гу Исяо, которого она никогда не видела и не знала его имени, лишь слышала о нём в рассказах матери.

Но менее чем через два года её мать развелась, и сын остался с отцом. Вскоре она познакомилась с Гу Сиюнем и, к удивлению, быстро забеременела Гу Исяо.

...После этого её родители поженились, Гу Сиюнь очень любил маму — старшую дочь семьи Чэн, Чэн Сусинь. Но Чэн Сусинь, казалось, всё ещё не могла забыть своего бывшего возлюбленного. Тётя Гу Исяо, Гу Цзинь, была самым близким другом Чэн Сусинь в этой семье. Каждый раз, когда Гу Сиюня не было дома, Чэн Сусинь делилась с Гу Цзинь своими мыслями, в основном о желании жить свободной жизнью... Гу Цзинь каждый раз пыталась её уговорить, но та не слушала.

— Неожиданно, после того как она родила меня, у неё началась послеродовая депрессия, поэтому, когда я была маленькой, она никогда не находила времени для меня. Возможно, она искала свою «свободу».

На этом моменте голос Гу Исяо слегка наполнился сарказмом.

Позже, когда Гу Исяо немного подросла, депрессия Чэн Сусинь немного ослабла, и она начала изо всех сил пытаться компенсировать недостаток заботы в детстве своей дочери, покупая игрушки, которые нравились другим детям, и готовя сладости, которые любили малыши. Чаще всего она делала рисовые пирожные. Но всё это не было тем, чего хотела Гу Исяо.

К этому моменту мысли Цзянь Линлин уже начали рассеиваться, и её осенил странный вопрос — если Гу Исяо не любила рисовые пирожные, то почему в прошлой жизни она всегда казалась такой радостной, когда Цзянь Линлин приносила ей эти угощения?

Затем она сама нашла ответ — вероятно, это было связано с тем, что они ассоциировались у неё с тем особенным человеком.

Тем, кого она винила, кого вспоминала, кого не могла забыть...

Тем, кто оставил в её сердце самый глубокий след.

— Неожиданно, когда мне было семь лет, её депрессия вернулась. Она начала отказываться принимать лекарства и каждый день рассказывала мне о своём прошлом.

— Но я... не хотела этого слушать.

Цзянь Линлин начала представлять себе сцену, где маленькая Гу Исяо вынуждена была выслушивать эмоции взрослых, которые она не могла понять, чувствуя раздражение и усталость.

Ей, должно быть, было очень тяжело.

— К сожалению, я не могла её понять.

Её голос звучал спокойно, почти холодно, но с едва уловимой дрожью. После долгой паузы она вздохнула.

— В тот день я сказала ей: «Если тебе так больно, лучше умри». На следующий день она покончила с собой, спрыгнув с двадцатого этажа небоскрёба.

— Это был её день рождения.

— Она наконец обрела свободу.

В голове Цзянь Линлин всплыли воспоминания о том, как в детстве она слышала от взрослых рассказы о том, что старшая дочь семьи Чэн покончила с собой из-за депрессии после замужества.

Тогда, будучи ещё ребёнком, она видела интервью Гу Сиюня в новостях. Тот мягкий мужчина без остановки говорил о том, какая его жена была доброй и великодушной, словно сходя с ума. Но больше всего её впечатлила маленькая девочка с чёрными кудрявыми волосами, сидевшая рядом. Та девочка с каменным лицом, без эмоций, словно лишённая всех чувств.

С последним ударом часов рассказ Гу Исяо подошёл к концу.

Она сидела, опустив голову, погружённая в свои мысли.

— Тебе было больно, правда?

Цзянь Линлин сжала её ладонь. Ведь как бы там ни было, это была её мать, и перед смертью она услышала такие слова... Наверное, Гу Исяо чувствовала себя виноватой.

— Хотя то, что ты сказала, было... ну, знаешь, но это не твоя вина. Тебе не стоит нести этот груз всю жизнь. Теперь давай не будем думать об этом, хорошо? Спи.

Гу Исяо, казалось, тоже устала. Она не ответила, а просто тихо положила голову на плечо Цзянь Линлин.

— Исяо...?

Видя, что та не отвечает, Цзянь Линлин позволила ей лежать так, сняла своё пальто и накрыла им обеих, сидя неподвижно, боясь потревожить этого ангельского человека.

Когда Гу Цзинъи наконец нашла их в комнате на чердаке, перед ней предстала следующая картина:

Гу Исяо, прижавшись к плечу Цзянь Линлин, спала, опустив голову, а Цзянь Линлин слегка облокотилась на свою племянницу. Вместе они выглядели так, словно время вокруг них остановилось.

— Ну и ну, я так долго искала вас, а вы тут спокойно спите, заставив меня беспокоиться, — Гу Цзинъи с досадой покачала головой, но её шаги разбудили чуткую Цзянь Линлин.

— Тётя Гу...

Сонным взглядом она посмотрела на Гу Цзинъи, сделала знак молчать и указала на Гу Исяо рядом.

— Ладно.

Гу Цзинъи чуть не рассмеялась. Эти двое так заботятся друг о друге, но при этом доставляют столько хлопот.

— Обед готов. Когда маленькая проснётся, не забудь привести её вниз.

Увидев, что Цзянь Линлин сделала знак «поняла», Гу Цзинъи наконец успокоилась и спустилась вниз.

Авторское примечание: Я просто безнадежна... весь день кашляю, а думаю о пирожных. Чмок, спасибо ангелочкам за комментарии и поддержку, очень благодарна, что мою историю ещё читают.

<http://bllate.org/book/16610/1518837>